

Общага

Почерневший от времени деревянный двухэтажный барак на улице Ленина под номером 83 возвышался над крышами одноэтажной застройки. Дряхлые ворота покосились, и потому казалось, что барак стыдится своей убогости, сутулится за густыми кустами пахучей сирени. Правда, сами жильцы свой кров бараком не считали. Во-первых, говорили они, здание имеет Г-образную в плане форму, а не прямоугольную, а во-вторых, туалет хоть и общий, но не на улице.

Из этого непрезентабельного «гнезда» оперившимися птенцами каждый год разлетались во все стороны Советского Союза молодые руководители среднего звена металлургического производства, а на их места селились новые желторотые первокурсники. Это была общага Белорецкого металлургического техникума. Общага – это совсем не то, что общежитие. Это не здание и даже не коллектив, проживающий в этом здании. Это образ жизни, а точнее - способ выживания! Здесь жили в основном те, кто приходил на первый курс техникума из окрестных сёл и деревень – неторопливые ребята, привычные к труду, но непривычные к суматошной городской жизни. Уровень их школьных знаний часто удивлял, некоторые плохо говорили по-русски. Им действительно приходилось первые два года выживать. И общага каждого брала под своё крыло. Если тебе нечего было поесть, то можно было заглянуть в любую комнату, и тебя накормят. А если заканчивались деньги, то лучше всего было заглянуть к инзерским – они в общаге слыли самыми богатенькими, и у них всегда была записка на чёрные дни перед стипендией. Ну а если нужен был ценный житейский совет, то на помощь приходили такие «патриархи», как Витя Дергузов, Марс Галеев, уже прошедшие суровую школу жизни в рядах армии и военно-морского флота Советского Союза. С улицы барак казался необитаемым. И внутри, и во дворе за покосившимися воротами

было тихо, но тишина в общаге, как в пчелином улье, была обманчива. Если тихонько заглянуть в любую комнату, можно увидеть, как там идёт напряжённая работа: сообща штудировали сопромат и теоретическую механику, сообща осваивали теоретические основы специальных дисциплин волочения и канатов, сообща разбирались в сложных схемах и графиках металловедения и термообработки металлов. А когда сообща «пахали» над курсовыми работами, то от напряжения, казалось, трещали бегунки логарифмических линеек.

Общага ничего никогда ни у кого не просила для жизни. Ремонт делали сами. Всё было чисто побелено, а полы и панели на стенах блестели масляной краской. Лестница на второй этаж хоть и скрипела жалобно, но была чисто вымыта, и перед ней всегда лежала влажная тряпка. При отсутствии всяких замков и запоров на дверях здесь не было случая пропаж. И традиционные гранёные стаканы в комплекте с графинами всегда стояли на своих местах в каждой комнате.

Но один случай позабавил однажды весь техникум. На отчётном собрании профсоюзного студенческого комитета председатель, студент техникума, живший в общаге, как всегда отметил дисциплину и образцовый порядок в общежитии. Но чтобы быть предельно объективным, он с сильным деревенским акцентом сказал: «Однако есть у нас и недостатки. Куда, например, девались динамики?! В общежитии их было два, а осталась пара!» По актовому залу прокатился смех, но докладчик твёрдо повторил: «Так куда, я спрашиваю, девались динамики? Ещё вчера их было два, а сегодня только пара! Разве этого достаточно на два этажа?» Смех в зале перерос в хохот, заулыбался президиум, и только у директора Валентина Васильевича Полина ни один мускул не дрогнул на каменном лице. Он что-то записал на листочке, и пообещал разобраться. Вот так без всяких прошений, спустя пару дней, в общежитии появились новенькие динамики! Что это было? Незнание русского языка или природная деревенская смекалка? Скорее всего, второе.

Казалось странным, но это был факт: не общага тянулась к городским ребятам, а наоборот, городские, более обеспеченные материально и более образованные, тянулись к общаге. Здесь уже в пятнадцать лет ты чувствовал себя настоящим мужчиной. Здесь было тепло и уютно, спокойно и надёжно потому, что за твоей спиной – общага. А общага умела за себя постоять. Местная шпана старалась лишний раз не светиться у подслеповатых окон барака, но случалось всякое. Когда в полумраке коридора раздавалось: «Наших бьют!» - из комнат, бросая всё, выскакивали все, кто мог ходить. Не задавая лишних вопросов, бежали туда, куда указывал обиженный, чаще всего в городской парк культуры и отдыха. Впереди, как всегда, громыхая по упругим доскам тротуара, бежал Раис Минигулов. Его шикарные чёрные кудри развевались как штандарт, а отложной воротник самовязаного свитера матросским гюйсом трепетал на боксёрских плечах. По пути присоединялись другие студенты техникума. Когда прибежали в парк под скульптуру родного сталевара, по аллеям шелестел шепоток: «Техникум пришёл!» Горе было тому обидчику, который не успел скрыться в тёмной аллее, уводящей по крутому берегу Белой в сторону Гавани.

Вокруг общаги сплотилось настоящее техникумовское мужское братство, членов которого знали, как говорится, в лицо и уважали. Одним из легендарных лидеров братства был Гера Яцкевич. Тогда ещё никто не слышал ни о Шварценеггере, ни о Сталлоне, а Герку знал весь Белорецк. Это был высокий красавец с фигурой Аполлона. Когда он раздевался на пляже и делал стойку на руках, всеобщее внимание было приковано только к нему. Каких

только небылиц не рассказывали о смелости и силе Геры Яцкевича! Был Герка королём в мужском братстве, а погиб из-за слабого пола. Любили его местные красавицы и сохли по нему, как неполитая герань на подоконнике. Пользовался Герка своей неотразимостью, но никаких обещаний не давал и обязательств не брал. За это оговорили Геру, и угодил он по суровым советским законам в белорецкую тюрьму. Не приняла криминальная среда интеллигентного и независимого Яцкевича. Всадили ему подлый нож в спину и приколотили к небу навечно совсем ещё юную душу. И это не небылица, а трагическая действительность.

Когда в конце пятидесятых в наш город прибыл молодой и энергичный инспектор уголовного розыска Толгат Таухетдинович Ильясов, он сразу оценил авторитет мужского техникумовского братства во главе с общагой. В те годы по всему Советскому Союзу создавались комсомольские оперативные отряды по борьбе с уличной преступностью, и Ильясов договорился с городским комитетом ВЛКСМ о создании такого отряда из студентов Белорецкого металлургического техникума. Командиром отряда был назначен секретарь горкома ВЛКСМ Вячеслав Данилович Никитин, а его заместителем и непосредственным начальником – общепризнанный интеллектуал мужского братства Моисей Хазанкин. Но строптивая общага ни за какие коврижки не желала помогать милиции. Тогда не по годам мудрый Толгат Таухетдинович создал при ДК БМЗ для бойцов оперативного отряда секцию самбо с элементами боевых приёмов. Он приходил во Дворец только в гражданской форме и просил называть себя в секции Толиком. В те времена боевое самбо и карате были под строжайшим запретом для массовых занятий. А Толик, будучи чемпионом Башкирии, демонстрировал хитроумные подсечки и подхваты, головокружительные вертушки и мельницы. И молодые сердца общаги дрогнули. Отряд был создан.

Комсомольцам поручалось патрулировать самые неблагонадёжные районы Белорецка, но старшим назначался кто-нибудь из преподавателей техникума. Забавно было наблюдать, как по тёмным кривым улочкам Шанхая шагает миниатюрная, как Дюймовочка, преподаватель русского языка и литературы Екатерина Петровна Таранец, а за ней 5-6 крепких парней с повязками на рукавах. На фото из архива Белорецкого металлургического колледжа (на снимке) запечатлён возле общежития патрульный наряд комсомольского оперативного отряда из ребят набора в техникум 1961 года: Слава Марков, Володя Коротков, Коля Пегишев, Виталик Дороднов, Костя Иванов, Саша Латохин. В июне 2015 года исполнилось пятьдесят лет окончания техникума этой группой, но половина её не дожили до своего юбилея.

Сильно не повезло нашему набору 1962 года. Руководил тогда Советским Союзом великий новатор, отец совнархозов, кукурузы и обувной фабрики «Скорород» Никита Сергеевич Хрущёв. Он от всей своей неуёмной души поэкспериментировал на двух наших группах МТ и ПК. Ни до ни после не было такой учебной программы – 53 недели работы на производстве. С сентября 1965 года по июнь 1966 года мы отработали на комбинате волочильщиками. Не обошлось и без несчастного случая: Абузюру Газизову оторвало проволочной петлёй верхние фаланги двух пальцев правой руки. Затем полгода преддипломная практика, сбор данных по дипломному заданию, написание диплома и защита. Те, кто не планировал учиться дальше в институте, в техникум не вернулись. Уже приобретённые навыки позволяли им получать огромную по тем временам зарплату в 250-300 рублей, и трудно было возвращаться на 30 рублей стипендии. Может, поэтому эксперимент Хрущёва был признан неудачным. Но нам пришлось защищать дипломы не

как всем, в июне, а в лютые декабрьские морозы. Самым обидным было то, что у нас не оставалось никакой возможности поступить в высшее учебное заведение до армии.

Особенно трудно пришлось общежитию. Общежитские ребята были в основном из малообеспеченных семей и с увольнением из цехов тянули, насколько это было возможным. А потому, несмотря на взаимопомощь и коллективные усилия, на диплом выходили с большой задержкой, на самую последнюю защиту.

Как это было, рассказал Юра Гильдин, студент Белорецкого металлургического техникума 1962-66 годов: «Утром 28 декабря 1966 года в восьмом часу раздался стук в дверь нашей комнаты на втором этаже общежития. Стучал парнишка-посыльный из военкомата. Он под роспись вручил каждому повестку в Советскую армию. Попив чайку на скорую руку, оделись на защиту дипломных проектов по парадной форме. Несмотря на сорокаградусный мороз, на ногах у всех начищенные гуталином «корочки». А добраться до техникума тогда можно было только пешком. Перед тем как выйти накрыли праздничный стол, чтобы после защиты «обмыть» дипломы. Федя Подтербков, Ефтя Родыгин, Абузьяр Газизов прошли по общежитию и собрали всё, что у кого было на закуску. Водку припрятали от коменданта. Пока дошли до техникума, промёрзли до костей. Отогревали каждого сообща перед очередной защитой. Я защищался последним. Дипломы и значки вручали сразу после каждого дня защиты, так как у всех на руках были те самые повестки. Во время торжественной части откуда-то пришла страшная весть – в общежитии пожар. Мы бежали, не чувствуя под собой ног, но когда прибежали на пожарище, наш второй этаж уже выгорел полностью. Всё пропало. Но самым огорчительным было то, что наш праздничный стол улетел в морозную дымку синим пламенем. Пожарные не жалея лили в пылающий факел воду из нескольких брандспойтов, и она вытекала из-под угла пенным ручейком. Наблюдая, как дымящийся на сорокаградусном морозе ручеек замерзает причудливыми каскадами, мы почувствовали, как наши парадные «корочки» примерзают к ногам. Посоветовались и пошли в Октябрьский посёлок, где жил брат Ефти Родыгина. Там нас обогрели и накормили. А после этого разъехались по домам, чтобы проститься с родными и отправиться исполнять свой долг перед Родиной – кто к Ледовитому океану на Северный флот, а кто на южные рубежи в ракетные войска».

Так закончилась наша ОБЩАГА. Сейчас о том месте, где стоял деревянный барак с покосившимися воротами напоминают лишь престарелые берёзы, посаженные когда-то трудолюбивой ОБЩАГОЙ вдоль дощатого тротуара.

А какой ОБЩАГА стала потом, пусть расскажут те, кто остался после нас...

Источник:

Кархалёв, В. Общежитие. Воспоминания студента 60-х годов [Текст] : [общежитие Белорецкого металлургического техникума] / В. Кархалёв // Белорецкий рабочий. – 2015. – 19 августа. – С. 6.